

ОРДЕНСКИЙ ДОКУМЕНТ 1417 г. О МОБИЛИЗАЦИИ НОВГОРОДЦЕВ¹

Важнейшим аспектом комплексного подхода в изучении Древней Руси, за который постоянно ратует Е. Л. Конявская (см., например: [Конявская]) и который получает воплощение на страницах возглавляемого ей журнала, является сопоставление разных по типу и происхождению источников. Предлагаемая вниманию читателей работа представляет собой попытку продемонстрировать плодотворность такого сопоставления на одном конкретном примере.

Немногие работы, посвященные новгородскому войску периода независимости (XII–XV в.), рассматривая, иногда довольно подробно, вопросы его состава, организации, снабжения, тактики и стратегии, почти не касаются способов его мобилизации [Никитский²; Рабинович, 1947; Рабинович, 1949; Рабинович, 1960; Лисюченко]. И это вполне понятно: данных в источниках очень мало, и для домонгольского периода их практически нет.

Сейчас более или менее ясно, что в новгородское войско входили: 1) князь со своей дружиной или «двором»; 2) городской полк, состоящий из отрядов соответствующих городских территориальных объединений («концов»)³; 3) свита представителей знати (бояр); 4) сельские жители, набравшиеся в войско время от времени, при острой необходимости. В первом и третьем случаях проблема мобилизации не стоит. Дружина («двор») была профессиональным войском, а свита, состоявшая, скорее всего, в основном из зависимых от боярина людей, выступала по его приказу. Когда это было нужно, мобилизовывались и сельские жители. На основании косвенных данных (аналогии с псковскими данными XV в., впрочем, в свою очередь, не вполне ясными) предполагается, что они были обязаны в случае необходимости выставлять воина с определенного количества земли (с «сохи»)⁴. О том, как осуществлялась такая мобилизация технически, можно строить лишь некоторые предположения (подробнее см.: [Лукин, 2014а, с. 445–500]). Но как призывались на военную службу полноправные горожане?

Традиционно считается, что новгородцы отправлялись в походы добровольно, по собственному решению, принятому на народном собрании — вече. Отмечалось, однако — и в старой литературе, и в советской, и в современной, — что добровольность эта была довольно условной [Сергеевич, с. 455; Дьяконов, с. 101–102; Фроянов, с. 208–209; Быков, с. 21; Лисюченко, с. 132–135]. Действительно, добровольным можно назвать только согласие на участие в боевых действиях всего новгородского «политического народа» как своего рода коллективной личности, но не каждого индивида, члена этого коллектива, по отдельности [Лукин, 2014а, с. 194, 483–484]⁵.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ, проект № 14–01–00126а.

² Не вполне справедливо, между прочим, строгое замечание в адрес автора этой очень ценной статьи в одной из современных работ — за то, что сведения о военной организации Новгорода даны «без ссылок и без глубокого научного осмысления» [Быков, с. 3]; ответственность за первое несет, прежде всего, редакция популярного журнала, опустившая все ссылки «по значительности числа их», второе — попросту неверно; ср.: [Никитский, с. 5].

³ До сих пор, однако, неясны соотношения между кончанской и сотенной военными организациями и вообще военная функция сотен (ср. довольно туманные рассуждения М. Г. Рабиновича: [Рабинович, 1947, с. 181; Рабинович, 1949, с. 54–55, 60]).

⁴ См.: ПСРЛ. М., 2003. Т. V. Вып. 1. С. 76–77, 81–82. См. также: [Никитский, с. 14–15; Сергеевич, с. 458; Рабинович, 1960, с. 88–89; Быков, с. 21]. Проблема заслуживает специального рассмотрения.

⁵ Отмечу попутно, что привлечение в качестве примера обязательности для всех вечевого решения о сборе «воев» известия Новгородской первой летописи (далее — НПЛ) под 1200 г. вряд ли правомерно [Лисюченко, с. 133]. Согласно этому известию, воевода Нездила Пьхич выступил из Лук «съ маломь дружины» в поход против балтского племени латгалов. Одержав победу, воины вернулись в Луки целы и невредимы («сторони вьси») и наказали тех, кто отказался воевать вместе с ними (избив, заставили выплатить денежную компенсацию): «А кто бѣ нѣ пошьль по нихъ, Столбовица съ нѣколькомь дружины, а у тѣхъ кун поимаша, бивъше» (ПСРЛ. М., 2000. Т. III. С. 45, 239). На первый взгляд, это известие идеально вписывается в схему архаических коллективных расправ; ср. хотя бы ставший уже классическим рассказ о лютичах в «Хронике» Титмара Мерзебургского применительно к лютичам: «Если же кто-либо из жителей той же области на собрании им (соплеменникам, принявшим решение) противоречит, его бьют палками и, если вне [собрания] открыто противодействует, теряет всё [имущество] или в результате поджога или непрерывного разграбления или в их присутствии выплачивает в соответствии со своим качеством причитающуюся денежную сумму» (*Thietmari Merseburgensis episcopi chronicon / Monumenta Germaniae Historica. Scriptores rerum Germanicarum. Nova Series. Berlin, 1935. T. IX / Hrsg. von R. Holtzmann. VI. 25 (18). S. 304*); см.: [Modzelewski, s. 356–361]. В Новгороде мы видим вроде бы тот же алгоритм действий: провинившихся, противопоставивших себя коллективу, подвергают физическому наказанию, и они, чтобы избежать более суровой кары, вынуждены выплатить «денежную сумму». Стоит, однако, обратить внимание на то, что здесь действует не «политический народ», а узкая группа лиц во главе с воеводой, присланным из Новгорода. Летописец специально подчеркивает, что это была именно «малая дружина», а не, скажем, «все новгородцы» или даже «все лучане». Легитимность же подобных коллективных расправ была основана на представлении о всеобщем единстве,

Добровольно-принудительный характер мобилизации горожан — это только один аспект проблемы мобилизации войска. Как технически она осуществлялась? Кто и каким образом созывал новгородцев на войну?

В русских источниках таких данных нет. Есть, правда, данные о том, как в Новгороде происходило оповещение жителей о важных событиях, которые предусматривали присутствие или участие значительного количества людей. Важнейшим таким массовым мероприятием было народное собрание — вече. На него люди сходились, как известно, по звону колоколов. Сначала это были, видимо, просто церковные колокола, потом (в XIV—XV в.) появился специальный вечевой колокол. Распространенное представление о том, что существовали и другие способы созыва веча, как удастся установить, источниками не подтверждается [Лукин, 2014б]. Однако на другие мероприятия новгородцы могли собираться иначе.

Под 1148/1149 г. в Ипатьевской летописи (далее — Ип.) рассказывается о прибытии в Новгород князя Изяслава Мстиславича и последовавших за этим событиях: «...приде [Изяслав] с великою честью и въ день недѣльныи, и ту усрѣте сынъ его Ярославъ [Изяславич] с боярѣ Новгородѣцкыми и ѣхаста къ святой Софьи на обѣдную. Изяславъ же [съ] сыномъ Ярославом и посласта подвоискѣи и биричѣ по улицамъ кликати, зовучи къ князю на обѣдъ от мала и до велика, и тако обѣдавшѣ, веселишася радостью великою, честью разидошася въ своя дома. На утрии же день пославъ Изяславъ на Ярославль дворъ, и повелъ звонити, и тако Новгородци и Плесковичи снидошася на вѣче»⁶.

Князь собирает новгородцев на пир, рассылая по новгородским улицам глашатаев, которые оповещают жителей о княжеском приглашении (на вече, которое состоялось на следующий день, людей созывает звон колокола или колоколов). Обратим внимание на то, что этот пир был не просто развлечением: Изяславу Мстиславичу было необходимо добиться согласия новгородцев на участие в войне с его злейшим врагом — суздальским князем Юрием Долгоруким. Может быть, так же происходила и мобилизация непосредственно на войну? Такое предположение представляется вполне логичным. Однако мы имеем дело с нарративным памятником, достоверность сведений которого может быть поставлена под сомнение. И такое сомнение было высказано. Т. Л. Вилкул предположила, что «вотум доверия народа» Изяславу в этой летописной статье вписан «скорее всего, поздним редактором». Аргументирует она это отсутствием упоминаний о вече в параллельных известиях других летописей (НПЛ и Лаврентьевской) и усматриваемыми ей следами редактирования в Ип. [Вилкул, с. 220–221].

В данном случае я не буду подробно рассматривать текстологические аргументы исследовательницы (это сделано в других местах, и ее аргументация в целом не представляется убедительной, см.: [Лукин, 2008, с. 415; Лукин, 2014а, с. 165–168]). Я постараюсь верифицировать это известие с помощью другого свидетельства, происходящего из совсем иного другого источника, хотя значительно более позднего, но бесспорно достоверного.

20 января 1417 г. магистр Ливонского отделения Тевтонского ордена сообщал великому магистру Ордена о ставших ему известными новостях из Литвы и Руси. Это послание хранится в Тайном государственном архиве Прусского культурного наследия и опубликовано в пятом томе собрания ливонских грамот (Liv-, Est- und Kurländisches Urkundenbuch), но здесь оно цитируется по копии оригинала (любезно предоставленной мне С. В. Полеховым), так как в издании есть ряд довольно существенных неточностей⁷. Для удобства восприятия текст и перевод интересующего нас фрагмента приводятся в виде таблицы:

Ite(m) ist uns czu wissen würd(en), das nw by(n)nen korcъ der koni(n)g von Moÿsco seine(n) grösse bodeschafft zu Nogharden hatte ghesandt,	Также нам стало известно, что ныне, недавно московский князь отправил в Новгород большое посольство,
sie lăssen bitten, das sie im wollden bistandig vnd behulplig wesen vff die DÛtschen,	чтобы просить их, чтобы они его поддержали и помогли ему против немцев,

единодушии полноправных горожан, на идее о том, что они составляли в некотором роде коллективную личность. Именно из этих представлений вытекала мысль о принципиальной невозможности раскола единого коллектива и преступности неповиновения ему со стороны отдельной личности. В 1200 г. действует не политический народ, а небольшой военный отряд, который расправился с теми, кто, выражаясь современным языком, попытался уклониться от воинской службы. Впрочем, нельзя исключать, что сама процедура расправы была в принципе такой же, как и при «нормальных» вечевых расправах. Характерно, например, подчеркивание летописцем того факта, что это наказание было следствием не единоличного решения командира — воеводы, а делом рук всех воинов.

⁶ ПСРЛ. М., 1998. Т. II. Стб. 369–370.

⁷ Транскрипция и перевод со средневерхнемецкого языка выполнены мной; за помощь и консультации благодарю С. В. Полехова и Е. Р. Сквайрс.

vnd die von Nogharden han das bey iren diener lüssen rouffen vnd ku(n)digen durch alle gassen vnd strässe by(n)nen Nogharden,	и новгородцы приказали объявить это через своих служителей (досл.: своего служителя) и возвести по всем переулкам и улицам (досл.: улице) в Новгороде,
das sich yderman dazu bereyete, deme vurgena(nte)n koni(n)ge vff die Dutschen czu helfen, wan(n) her das wirt beghern,	чтобы каждый был готов к тому, чтобы помочь этому вышеназванному князю против немцев, когда он этого пожелает,
vnd darvmb(e) hat der voydt zur Narwe syne boden dohin ghesandt,	и по этому поводу фогт в Нарве послал туда своих послов,
das egentleiche czu vorhoren,	чтобы выслушать, как на самом деле обстоит дело,
vnd wie is dorvmb(e) wirt seinde,	и как с этим будет обстоять,
vnd we(n)ne uns die warheit douon wieder komet, wie is darvmb(e) sey,	и когда к нам придут истинные сведения, о том, как с этим обстоит дело,
die zeitu(n)ge und ander sake(n), ap vns etzwas vurfalle,	новости и другие вещи, если с нами что-то произойдет,
will wir euch sunder züment schreib(e)n*.	мы вам без промедления напишем.

* Geheimes Staatsarchiv Preußischer Kulturbesitz, XX. Hauptabteilung (Königsberger Archiv), Ordensbriefarchiv 2470. Ср.: Liv-, Esth- und Curländisches Urkundenbuch nebst Regesten. Bd. V / Hrsg. von F. G. von Bunge. Riga, 1867. Sp. 196–197.

Мы видим очевидные совпадения:

- 1) схожие ситуации, связанные с подготовкой к войне, в первом случае — с Суздальской землей, во втором — с Ливонией;
- 2) одинаковые задачи: оповещение новгородцев, проживающих на довольно значительной городской территории;
- 3) самое главное — **порядок оповещения**. Этим занимаются специальные глашатаи, разъезжающие по городским улицам и переулкам.

Здесь надо вспомнить, что новгородские улицы были не просто элементами инфраструктуры населенного пункта, как дело обстоит с современными улицами. Это были еще и самоуправляющиеся территориальные корпорации самого низкого уровня, через которые можно было бы наиболее эффективным образом осуществить подобное оповещение. Такой порядок ясно свидетельствует о принципиальной разнице между мобилизацией полноправных горожан и сельских жителей Новгородской земли. Рассылка глашатаев была явно нацелена на то, чтобы о необходимости противостоять врагу узнали абсолютно все члены кончанско-уличанских организаций, тогда как известный по псковским данным посошный способ мобилизации подразумевает выборочный призыв на военную службу (ср.: [Быков, с. 21]). О том, что задача была именно такова, свидетельствует и одно известие псковских летописей. В ночь на 1 января 1480 г. ливонские отряды вторглись в Псковскую землю. Когда об этом стало известно в Пскове, «посадники псковский в вече звонили ношью двожды, и поѣхаша посадники и мужи псковичи той ночи, иные на завтрее много скрутившися поѣха с четыреи сох конь и человекъ...»⁸. В экстренной ситуации был использован другой способ сбора городского полка — с помощью звона в колокол, так же как собиралось и вече. Понятно, что звук колокола могли услышать только горожане («мужи-псковичи»), во главе с посадниками они немедленно выступили против неприятеля. Только на следующий день к ним присоединилось войско, набранное, по-видимому, из окрестностей Пскова. Разница тут в том, что в первом случае выступили все, кто слышал звук колокола (и, естественно, те, у кого было оружие, то есть полноправные «мужи-псковичи»), а во втором — было мобилизовано определенное количество воинов с определенного количества земли.

Между ситуациями 1148/1149 и 1417 г. есть, разумеется, и различия. В 1417 г. не было пира, но еще большее значение, конечно, имеет то, что, если в XII в. князь сам созывал новгородцев, причем не только на «обед», но и на вече, то в XV в. новгородцев оповещают не сам московский великий князь или его наместник в Новгороде, это делают сами новгородцы и через своих, а не княжеских глашатаев (или глашатая, «служителя», *bey iren diener*). Всё это является весьма существенным с точки

⁸ ПСРЛ. Т. V. Вып. 1. С. 76; М., 2000. Вып. 2. С. 218–219. См. об этом: [Cosack, s. 213; Казакова, с. 158; Бессуднова, 2015а, с. 142–143; Бессуднова, 2015б, с. 87–88].

зрения политической или, если использовать традиционную терминологию немецкой историографии, «конституционной» истории Новгорода (*Verfassungsgeschichte*). Однако с процедурной точки зрения ничего принципиально не изменилось: всё те же глашатаи оповещают жителей новгородских улиц, уличан о необходимости принять участие в важном мероприятии и быть готовыми к выступлению в поход.

Высшие чины Тевтонского ордена не имели, разумеется, никаких причин риторически приукрашивать внутреннюю ситуацию в Новгороде или конструировать не существовавшие там отношения. Они очевидным образом были заинтересованы в обратном: в точном знании о том, что происходит у потенциального противника. Орденский документ 1417 г. поэтому является, как кажется, убедительным подтверждением достоверности во многом схожего свидетельства Ип., фактическое содержание которого никак не приходится теперь характеризовать как риторическое упражнение, вписанное поздним редактором. Порядок мобилизации горожан с помощью рассылки глашатаев по новгородским улицам засвидетельствован, таким образом, и для XV в., и для домонгольского времени, причем контекст известия 1148/1149 г. позволяет предполагать, что это был отнюдь не первый случай подобного оповещения.

Литература

- Бессуднова М. Б. Россия и Ливония в конце XV века: истоки конфликта. М., 2015. (Бессуднова, 2015а)
- Бессуднова М. Б. Русско-ливонские отношения накануне Нового времени: истоки конфликта. Дисс. ... доктора истор. наук. Липецк, 2015. (Бессуднова, 2015б)
- Быков А. В. Новгородское войско XI–XV вв. АКД. Великий Новгород, 2006.
- Вилкул Т. Л. Люди и князь в древнерусских летописях середины XI–XIII вв. М., 2009.
- Дьяконов М. А. Очерки общественного и государственного строя древней Руси. М.: Л., 1926.
- Казакова Н. А. Русско-ливонские и русско-ганзейские отношения. Конец XIV — начало XVI в. Л., 1975.
- Конявская Е. Л. Комплексный подход и основные направления в изучении древнерусской литературы // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2002. № 1 (7). С. 18–21.
- Лисюченко И. В. Княжеская власть и народное ополчение в Древней Руси (конец IX — начало XIII вв.). Ставрополь, 2004.
- Лукин П. В. «Деконструкция деконструкции». О книге Т. Л. Вилкул по истории древнерусского вече // *Scrinium: Revue de patrologie, d'hagiographie critique et d'histoire ecclésiastique*. 2008. Т. IV. *Patrologia Pacifica. Selected papers presented to the Western Pacific Rim Patristics Society 3rd Annual Conference* (Nagoya, Japan, September 29 — October 1, 2006) and other patristic studies. P. 403–434.
- Лукин П. В. Новгородское вече. М., 2014. (Лукин, 2014а)
- Лукин П. В. К истории вечевых колоколов // ИИС. Великий Новгород, 2014. Вып. 14 (24). С. 135–167 (Лукин, 2014б)
- Никитский А. И. Военный быт в Великом Новгороде XI–XV ст. (Исторический очерк) // Русская старина. 1870. Т. I (январь–июнь).
- Рабинович М. Г. Новгородское войско (Тезисы кандидатской диссертации, защищенной на заседании Ученого совета исторического факультета МГУ 10 ноября 1943 г.) // Краткие сообщения Института истории материальной культуры им. Н. Я. Марра. 1947. Вып. XVI. С. 180–182.
- Рабинович М. Г. Военная организация городских концов в Новгороде Великом в XII–XV вв. // Краткие сообщения Института истории материальной культуры им. Н. Я. Марра. 1949. Вып. XXX. С. 54–61.
- Рабинович М. Г. О социальном составе новгородского войска // Научные доклады высшей школы. Исторические науки. 1960. № 3. С. 87–96.
- Сергеевич В. И. Древности русского права. М., 2006 [1908]. Т. I. Территория и население.
- Фроянов И. Я. Киевская Русь. Очерки социально-политической истории. Л., 1980.
- Cosack H. Zur Geschichte der auswärtigen Verwicklungen des Ordens und Geschichte in Livland 1478–1483 // *Baltische Studien zur Archäologie: Arbeiten des Baltischen Vorbereitenden Komitees für den XVI. Archäologischen Kongress in Pleskau 1914*. Berlin, 1914. S. 203–240.
- Modzelewski K. Europa barbarzyńska. Warszawa, 2004.